

стремлением способствовать хотя бы в минимальной степени духовному оздоровлению России. В таком социально-нравственном комплексе и заключа-

ется истинный патриотизм. Поэтому русская идея является всегда персонифицированным феноменом, по крайней мере, такой она должна быть.

Литература

1. О России и русской философской культуре. М., 1990.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. Т. 1. М., 1992.
3. Русская идея: Словарь / Авт.-сост. М.А. Маслин. М., 1992; Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7; Шафаревич И.Р. Русский народ на переломе тысячелетий. М., 2000; Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX в. М., 1999; Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М., 1999.
4. История философии: Запад–Россия – Восток. Кн. 3. М., 1998.
5. Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998.
6. Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 1: Работы по историософии. М., 1994.
7. Русская философия: Словарь // Авт.-сост. М.А. Маслин. М., 1995.
8. Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
10. Ильин И.А. О России. М., 1991.
11. Цит. по: Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991.
12. Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. СПб.; София, 1991.
13. Федотов, Георгий. Святые Древней Руси. М., 1990.
14. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.
15. Федотов Г.П. О национальном покаянии // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб., 1992.
16. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // О России и русской философской культуре. М., 1990.
17. Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Там же.
18. Федотов Г.П. Социальный вопрос и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
19. Церковь и мир: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
20. Волгогонова О.Д. Г.П. Федотов о судьбе России. М., 1997.
21. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1993.
22. Ильин И.А. О расчленителях России // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998.
23. Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1992.
24. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
25. Поппер К. Открытое общество и его враги: Соч.: В 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. М., 1992.

Й. Подгорецкий

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИЯ

Опольский университет, Польша

Толерантность (терпимость) присуща своеобразному моральному канону каждого современного человека. Она стала своеобразным ключевым словом нашего времени. И в этом нет ничего неожиданного, поскольку у каждой эпохи и даже у каждого поколения есть свой набор фундаментальных понятий. Данная проблематика хорошо представлена в обширной философско-этической, психологической и социологической литературе. Бросается в глаза разительная диспропорция между множеством решений и теоретических положений на тему самого понятия толерантности, множеством высказываний, посвященных проблеме толерантности, с одной стороны, и постоянно растущим количеством эмпирических данных, иллюстрирующих факты из области толерантности, и тех данных, которые объясняют механизмы возникновения такого явления, как толерантность, терпимость.

Легко заметить, что понятие «толерантность» развивается, приобретая по мере развития новые значения. В определенные периоды и в связи с социальными, политическими и идеологическими изменениями

толерантность становилась осью главных событий, а потому и предметом особого интереса. Для того чтобы понять эволюцию этого понятия, мы в наших вводных определениях ограничимся прежде всего дефинициями или констатациями, восходящими к своего рода классикам данной проблематики. Для наших целей они представляются и основательными и достаточными.

Следует подчеркнуть, что термин «толерантность» имеет массу разных определений, причем он представляется не аксиологически нейтральным, а имеет ценностную окраску. Термин «толерантность» восходит к латинскому «tolerantia», что означает признание права других иметь взгляды, вкусы и т.п., отличные от взглядов оценивающего, однако при этом он не включает реакционных, антигуманистических или просто преступных идей [1].

Говоря о толерантности, мы можем иметь в виду определенные исторические события и их социально-политический подтекст, в котором понятие «толерантность» относилось главным образом к рели-

гиозной вере и религиозной практике и находило свое отражение, в частности, в определенных правовых актах и теоретических исследованиях. Примером такого подхода к проблеме является Нантский Эдикт от 1598 г., который был предварен множеством законов о терпимости, отменявшихся и вновь вводившихся в зависимости от политической ситуации. В соответствии с положениями Эдикта французские протестанты, так называемые гугеноты, получили «на вечные времена» значительные права и уступки, позволившие им на практике достаточно свободно развивать религиозную жизнь на территории собственной страны. Этот эдикт легализовал протестантизм. В то же время Эдикт Фонтенбло от 1685 г. считается в европейской культуре XVII в. историческим документом религиозной нетерпимости, как и «Акта Toleranzia» от 1689 г. [2, s. 65].

В качестве самостоятельного понятия толерантность появилась в эпоху Просвещения и с того времени остается одним из наиболее фундаментальных компонентов культуры. Впервые оно было употреблено Дж. Локком в «Письме о терпимости» [3]. В истории философии о Дж. Локке говорится, что он был «гражданином мыслящей Европы», «пророком английской революции», «отцом мысли о терпимости» [4]. Особую ценность в его размышлениях на тему толерантности имеет его «Epistola de tolerantia» от 1689 г. и три последующих письма, посвященных этой проблематике. Эти мысли – плод размышлений утрехтского изгнанника, испытавшего на себе нетерпимость в отношении своих взглядов. Для британцев он до сих пор если и не авторитет в пространстве философской мысли, то, наверняка, в той теме, которую не обойдешь в рассуждениях о терпимости.

Дж. Локк призывал прививать те ценности, которые позволяют обществу стать терпимым, призывал также к «великодушию», к «вере, действующей через любовь», «мягкости нравов», к «доброй воле». К отмеченным достоинствам и формам поведения можно, конечно, добавить и другие, из тех, что ведут к аналогичным результатам, т.е. к облегчению и смягчению контактов между людьми: хорошее воспитание, чувство справедливости, такт, знание, честность, уважение к добродетели, открытость человеческого мышления, интеллигентность и т.д. Было также замечено, что толерантность находится в тесной связи с определенными человеческими инстинктами, прежде всего – с инстинктом самосохранения и эгоизмом. Этот первый обнаруживался в потребности поставить мир выше войны, в которой каждый мог стать ее жертвой. Эгоистический инстинкт, а точнее – чувство собственного интереса, стал заметным в той связи, которая образовалась между терпимостью и торговлей, связи, которую довольно быстро заметили наблюдатели тогдашней общественной жизни. Но не только добродетели и естественные предрасположенности способствовали становлению толерантно-

сти. Отдельные человеческие пороки также приняли участие в этом деле; взять хотя бы ханжество, лицемерие, эту несомненно осуждаемую черту характера, которая, несмотря ни на что, делала и продолжает делать жизнь в коллективе легче. Толерантность, независимо от точного смысла толкования этого термина, вырастает из человеческих добродетелей, пороков, инстинктов, привычек и обычаев; а вот без них или в оппозиции к ним, или в абстрактной форме как нечто независимое – она пуста и лишена значения. А коль скоро так, то не только нет ничего неуместного в постоянном связывании ее с другими формами морального поведения, а толерантность чистую, лишённую всех родственных значений, следует признать сомнительной, а отделенную от них – вредной. Прививка толерантности без любви, справедливости, чувства правопорядка, чувства собственного интереса, милосердия, ханжества и т.д. – это как прививка смелости без соответствующего воспитания характера и ума. В лучшем случае это представит собой своего рода этическую спекуляцию вне какого-либо опыта, в худшем – это будет функция, угрожающая важным и повсеместно принятым правилам общественной жизни. Человек толерантный в зависимости от того, какую толерантность он признает, будет либо тем, кто сумеет мирно ужиться с людьми, исповедующими другую философию, практикующими другую религию и придерживающимися других обычаев, либо тем, кто антагонизирует других, призывая их к соблюдению некоего абстрактного принципа, не связанного с каким бы то ни было опытом, принципа, который, как будет почему-то считать этот другой, принесет всем мир и установит гармонию. В первом случае толерантность – это способность, присущая индивидам, во втором – принцип, которому необходимо подчинять жизнь общества и его институты. Различия между ними иллюстрирует сам Вольтер, провидец Просвещения, желавший видеть всеобщую терпимость на руинах христианства. Проникнутый концепцией философского гуманизма, Вольтер объявил войну злу и фальши, которые, по его мнению, переполняли человеческие сердца и разум, ответственность за что должна была падать прежде всего на инертность традиции и пред-рассудков.

Дж. Локк в свою очередь в «Третьем письме» провел анализ понятия «толерантность» (терпимость), основывая его необходимостью покориться истине. Обобщая это положение, мы можем сказать, что существует некая специфика идеи толерантности, что-то такое, чего нельзя свести к понятиям, с которыми она тесно связана.

Локк и Вольтер подчеркивали, что на практике существует связь между терпимостью и истиной, но они не утверждали и не настаивали на том, что истина является репрессивной категорией. Они не допускали мысли, что в самом этом вопросе существует

несколько равноправных истин, ни одна из которых не может считаться более высокой. Поэтому-то Вольтер и не видел ничего зазорного в том факте, что некоторые религии играли решающую роль в отдельных обществах, а их приверженцы получали самые важные политические должности. Поэтому он считал естественным, что отдельные должности могут оказаться недоступными тем, кто принадлежит к какому-нибудь меньшинству. С точки зрения сегодняшних норм это звучит не особенно либерально, однако в противоречие с общей идеей терпимости не вступает.

Другой аспект явления и понятия «толерантность» рассматривал Дж. Ст. Милль в своем эссе «О свободе» [5]. Он полагал, что сторонники толерантности лучше всего послужили бы своему делу, если бы поддерживали не меньшинство, ни тем более большинство, а отдельных индивидов, и особенно тех, кто выходил за рамки существовавших в обществе правил. Это должно было касаться времени, когда жил Милль, которое, как он утверждал, склоняет людей к неосознанному конформизму. Поэтому неизбежными стали вызывание эксцентричности и ее поддержка безотносительно к тому, имела та или иная ее форма непосредственное влияние на жизнь общества. Это означало, что сторонник толерантности должен был выйти за рамки реального положения вещей с его укоренившимися и стабильными делениями на партии, интересы, мнения и т.д. Сторонник толерантности должен был искать симптомы отщепенства, которое тогда еще не получило полного развития и не имело ни силы, ни своего представительства. Он должен поддерживать тех, кого существующие правовые, политические, моральные, социальные нормы и обычаи систематически сталкивали к социальной границе, отказывая им в какой бы то ни было ценности. Милль представлял общество как вечный дискуссионный клуб, а толерантность – не что иное, как эффективное средство стимулирования хорошей дискуссии, в результате которой должны были формулироваться все более истинные и общественно более полезные выводы. Оптимизм Милля шел от его рационализма. Люди, по Миллю, существа разумные, а когда их разум подводит, то на помощь должна прийти их активная толерантность, заставляющая мыслить критически и авторитарно.

Это положение было поставлено под сомнение более поздними мыслителями, представителями западной культуры. Они утверждали, что нет гарантий, благодаря которым эксцентричность уберезет разум человеческих индивидов от разрушения. Толерантность при таком понимании просто невозможна, и при существующих условиях по крайней мере просто недостижима. Ведь силы власти контролируют систему часто без нашего ведома, контролируют и попытки выйти за рамки существующих правил, нивелируя таким образом вдохновляющее влияние эксцентричности.

Философскому приему, сделавшему возможным иной взгляд на действительность, мы обязаны Марксу и Энгельсу. Они назвали его «ложным сознанием» или «идеологией» [6]. Они утверждали, что властные силы подчинили себе не только экономические и политические структуры, но что их контроль распространяется еще и на сферы общественного сознания, которое содержит объективные нормы, стандарты и идеалы. По сути, однако, их объективность иллюзорна, ибо все они были созданы этими экономическими и политическими структурами для того, чтобы утвердить их господство.

Эти интерпретации социальных и культурных процессов переняли многие течения современной мысли, остающиеся под влиянием марксизма. То, что в свете старой концепции было источником, природная среда и гарантии терпимости – так называемая общественная и индивидуальная практика сотрудничества, опирающаяся на добродетели, пороки, привычки и обычаи, явилось теперь как оплот нетерпимости. Именно там Милль усмотрел самую изощренную угрозу свободе; там же марксисты находили практическое выражение ложного сознания для сохранения собственной идентичности.

В современной политической философии создан такой интеллектуальный климат, в котором нейтрализовались бы все потенциальные источники нетолерантности [7]. А поскольку старые охранительные средства уже не пользуются доверием (они стали авангардом нетерпимости), то следует создать систему утверждений, правил и принципов, которые, вследствие того, что они в самой большой степени чужды дискриминации и отвергают подозрительность, лучше всего служат идеи терпимости.

Другая идея предлагается авторами постмодернистской ориентации [8]. Они глубоко убеждены, что следует ликвидировать интеллектуальную основу нетерпимости. Источником репрессивности является истина вне зависимости от степени невежества или покорности тех, кто на нее ссылается, ибо каждый акт признания чего-либо истинным – исключение. Он выставляет других людей за границы того, что считается нормой и заслуживает уважения. Для того чтобы сохранить терпимость, следует отбросить традиционные критерии оценки, следует отбросить чувство философской уверенности, и тогда исчезнет основа нетерпимости.

Следующая версия толерантности (терпимости) определяется как «благожелательная открытость». Если, как сказал Гете, «терпеть – значит сносить оскорбление», то никого нельзя ограничивать таким поведением, которое можно было бы воспринять как подчинение и покровительство. Поэтому толерантность (терпимость) следует определить, скорее, так, как это сделал Р.М. Хэа, современный британский либеральный философ: человек толерантен, если в нем есть «готовность уважать идеалы других как свои собственные» [9, p. 178]. Те, кто стоит за такой вид

толерантности, вовсе не заключают, что благожелательная открытость должна иметь место не только на начальном этапе контактов с незнакомыми индивидами, группами или взглядами. Однако толерантность как благожелательная открытость обязана присутствовать на каждом этапе контактов с другими людьми, их взглядами и идеалами.

Как видим, понятие «толерантность» исторически изменчиво и обусловлено классовыми зависимостями, политическими взглядами и мировоззренческими позициями. Мы можем отметить также и вклад польской науки в дело формирования понятия толерантности. Так, по мнению Я. Келлера [10], то, что мы терпимо относимся к какому-то мнению или поведению, может означать следующее:

- нам не по вкусу это мнение или поведение;
- мы считаем, что мы могли бы повлиять на него;
- мы не делаем этого, поскольку признаем право людей на такое поведение или убеждение.

Таким образом, здесь мы имеем дело с двумя элементами: с негативной оценкой определенного поведения или взглядов и с отказом применения по отношению к ним принудительных ограничений.

Я. Келлер обращает внимание на то, что в основе толерантности в узком смысле слова лежит принцип, призывающий признавать и уважать право других на свой путь к истине и справедливости. Принцип толерантности выражается в утверждении, что моральной обязанностью каждого индивида и каждой группы является положительное отношение к взглядам, вкусам и деятельности других людей на основе признания и уважения прав как отдельных людей, так и целых групп, свободно пропагандировать свои взгляды и пристрастия, действовать в соответствии с собственными убеждениями, если они не противоречат общепринятым принципам. Принцип толерантности не требует одобрения чужих взглядов, принципов и пристрастий. Там, где кто-то принимает чужие взгляды, уже не может быть речи о проявлении толерантности к ним, точно так же, как нет речи о толерантности по отношению к собственным взглядам. Толерантность заключается в уважении к чуждым убеждениям, потому что они отличаются от наших, потому что мы не можем их ни принять, ни одобрить. Мы уважаем их не потому, что они кажутся нам ошибочными и неправильными, а потому, что мы питаем уважение к людям и признаем их право на собственный путь к истине. Однако известно, что путь к истине во взглядах и справедливости в принципах нелегок и непросто, что наши взгляды формируются при участии разных факторов. Поэтому замечание, что чьи-то взгляды ложны и несостоятельны, отнюдь не является свидетельством отсутствия уважения к чужим взглядам. Принцип толерантности не запрещает дискуссии, пропагандирование, аргументирование. Но он требует, чтобы борьба чужих убеждений и пропаганда

своих проходила в рамках предметной аргументации, а не нажима, принуждения и наносящей обиду аргументации [11].

В. Висьневский считает, что толерантность состоит в признании прав других людей исповедовать разные взгляды и заключается в «умении соединять точки зрения: негативной оценки людей или целых групп и одновременного отсутствия готовности применять по отношению к ним ограничения или санкции» [12, s. 38].

Лия Лазари-Павловская придерживается того мнения, что мы нужны другому человеку, нашему ближнему в его стремлении к истине даже тогда, когда он выступает в роли нашего оппонента. Нельзя его бросать на произвол судьбы, предоставляя самому себе. В таком понимании толерантность становится символом любви [13]. В статье «Три понятия толерантности» она выделяет те из значений, которые чаще всего выступают в современной литературе. В первом понимании речь идет об отсутствии вмешательства, несмотря на негативную оценку чьих-либо воззрений или действий. Во втором понимании речь идет о благоприятном отношении к чьей-либо непохожести в том, что касается взглядов или поведения. В третьем понимании толерантность состоит в отказе от насилия при попытке изменить то, что мы считаем в чужих взглядах неправильным или злом.

Согласно современным концепциям, толерантность должна относиться ко всем видам убеждений, а не только религиозным. «Проблема толерантности всегда возникает там, где люди мыслят, чувствуют, оценивают, верят по-другому» [14, S. 6]. Наряду с религией авторы, как правило, называют политику, наряду с этикой – науку, а также – искусство и обычаи. Кроме того, предметом толерантности является образ действий человека. Следовательно, в общем виде можно сказать, что толерантность имеет отношение к взглядам и поведению человека.

Л. Лазари-Павловская обращает также внимание на тот факт, что в настоящее время существует тенденция проводить различие между толерантностью в отношении взглядов и поведения и толерантностью в отношении людей, исповедующих данные взгляды или совершающие данные действия.

В своей дефиниции толерантности Т. Котарбиньский [15, s. 191] учитывает два элемента:

- предмет толерации – отрицательно оцениваемое явление;
- непротивление этому явлению, т.е. отсутствие корректирующего вмешательства.

Такое определение, в принципе, имеет характер аксиологически нейтральный, оно допускает оценку одного из тех способов поведения, в котором проявляется терпимость как к хорошему, так и к плохому.

По мнению Х. Мушиньского, толерантность – является установкой, делающей возможной жизнь в обществе, зависящую от взаимного уважения к различным от наших вкусам, обычаям и потребностям [16].

Отец Яцек Салий в свою очередь утверждает, что термином «толерантность» мы должны обозначать уважение к чужой инаковости, даже если она нам не по нраву или непонятна [17, s. 155]. Согласно М. Козакевичу, толерантность – это моральный и интеллектуальный принцип, обозначающий право мыслить независимо и иметь такие убеждения и поведенческие нормы, которые отличаются от бытующих среди общественного большинства. Толерантность исключает дискриминацию людей по причине несходства с их взглядами или обычаями [18].

Мария Оссовская [19] считает, что толерантность является активной установкой – выражением уважения, понимания и одобрения, а также желанием построить хорошие отношения и взаимодействовать, несмотря на существующие различия. Толерантность уместна в отношении лишь тех убеждений и такого поведения, которые не нарушают явно принципы социального общежития.

К приведенным определениям стоит добавить еще те, что можно найти в статьях «Толерантность» в некоторых энциклопедиях и словарях. Так, Словарь иностранных слов сообщает, что «толерантность означает снисходительность и потакание чужим взглядам, верованиям и поступкам, несмотря на их отличность от того, что считается правильным или уместным. Проявлять толерантность – значит сносить, терпеть, потакать, смотреть на что-либо сквозь пальцы» [20].

В соответствии с Психологическим словарем толерантность – это «позиция или поведение, состоящие в признании права других людей иметь убеждения, точки зрения и поведение не только отличные от наших, но и противоположные нашим или низко оцениваемые нами» [21].

Во Всеобщей энциклопедии читаем: «толерантность – это признание за другими людьми права иметь взгляды, вкусы и т.д., отличные от тех, которые имеет оценивающий, но не включающие реакционных, антигуманистических или просто преступных идей» [1].

Руководствуясь представленными дефинициями, мы можем сказать, что о наличии толерантности должны свидетельствовать высказывания и поведение, признающие право других людей иметь убеждения, отличные от наших, выражение снисходительности к поступкам, считающимся неправильными, даже связанное с этим страдание. О толерантности может также свидетельствовать уважение по отношению к тем, кто исповедует взгляды, отличные от наших, разрешение им проповедовать свои взгляды. Термин «толерантность» употребим также в области техники, в механике, в частности, он означает величину допустимых отклонений от установленных стандартов. В медицине этот термин используется для определения реакции организма на определенные дозы лекарства.

Толерантность вырастает из многообразия систем ценностей, жизненных ориентаций, человеческих интересов, мнений и потребностей – из всего разнообразия человеческого мышления, представлений о мире и установок. Принимая во внимание вышеизложенное, мы можем выделить два принципа (два образа) толерантности:

Негативный принцип – (активная, содержательная, негативная толерантность) – выражается только в невмешательстве, или в пассивном отношении к чьим-то взглядам и поведению, несмотря на негативную их оценку, на то, что они вызвали наше возражение, критическое отношение и душевный дискомфорт. О таком понимании толерантности Сомерсет Моэм писал, что оно лишь другое название безразличия, равнодушия [8].

Существует несколько мотивов, которыми руководствуются люди, когда они, несмотря на негативную оценку какого-нибудь явления, воздерживаются от вмешательства. К их числу, считает Л. Лазари-Павловская, мы можем отнести:

– равнодушие – отсутствие интереса к тому, что думает, говорит или делает другой человек. При аксиологически нейтральном определении толерантности источником ее может быть равнодушие или даже нерасположенность к человеку. Предполагается только, что невмешательство касается такого явления, которое получает у данного человека негативную оценку, т.е. такого, которое ему не безразлично;

– высокомерие – восприятие другого человека как худшего, в дела которого не стоит и вмешиваться, пытаясь вывести его на путь истинный;

– партнерство, относящееся к наиболее ценной современной авторами мотивации, которая может привести к поведению, находящемуся в рамках, определенных как толерантность. В ней находит выражение идея человеческого достоинства, право человека на автономию, свободу совести [13]. Давая определение толерантности, А. Гжегорчик пишет: «Если другого человека принимают как равного себе и имеющего абсолютную ценность, то его не могут оскорблять и лишать свободы. Указанные постулаты предписывают уважать каждого человека, считаться с волей и автономностью каждого, никого не рассматривать в качестве орудия собственной деятельности или предмета, на который эта деятельность направлена. Это касается как индивидуального отношения, так и общественных механизмов» [22, s. 130].

Позитивный принцип – (активная, содержательная, позитивная толерантность) – состоит в одобрении или даже поддержке непохожести другого. Авторы, выступающие в пользу такого понимания толерантности, ожидают чего-то большего, чем непротивопоставление неодинаковости, они ожидают одобрения или даже благожелательной поддержки непохожести другого человека.

В работе «Образец гражданина...» Мария Оссовская характеризует вышеприведенный принцип: «Толерантность – это отнюдь не непотивопоставление себя тем вещам, которые мы считаем плохими, а способность уважать чужие потребности и чужие мнения, которых мы не разделяем. Чужие потребности уважает тот, кто с ними считается в своем поведении, приспособлявая к ним свои собственные, чужие мнения уважает тот, у кого на них доброжелательный в сущности взгляд, а в случае явного противоречия не приписывает противнику черных мотивов только лишь потому, что находится в оппозиции к его точке зрения» [19, s. 359].

Крайний вариант позитивной толерантности в отношении к системам ценностей и образам жизни людей других культур представляют некоторые из современных исследователей, сторонников культурного релятивизма. Они добиваются признания всех существующих в современном мире культур в качестве одинаково хороших. Это явление связано с радикальной переменой, которой подверглось отношение людей западного культурного круга к другим культурам.

Наряду с принципами и образами толерантности мы можем, если применим критерий сфер социальной жизни, на которые она направлена, выделить следующие виды толерантности:

– *интеллектуальную*, означающую уважение к чужим взглядам, выражающееся в допущении провозглашения этих взглядов;

– *моральную*, касающуюся поведения, относящегося к элементарным моральным нормам, где допустимы разные стили жизни, разные точки зрения, привычки и обычаи;

– *религиозную*, понимаемую как право принимать или отвергать веру и практику отдельных религий, верований и религиозных направлений в соответствии с собственной совестью;

– *мировоззренческую*, означающую право придерживаться определенного мировоззрения;

– *социальную*, которая, исходя из общечеловеческих высших ценностей, охватывает религиозную и мировоззренческую, интеллектуальную и моральную, общественную, хозяйственную и политическую толерантности;

– *репрессивную*, состоящую в том, чтобы полюбить и принять враждебное и даже вредное нам. В Америке это привело к возникновению явления и движения под названием «политическая корректность»;

– *этническую*, в соответствии с которой люди различаются в этническом отношении и имеют право на сохранение своих особых этнических черт, и ни одна этническая группа не имеет оснований считать себя лучше или выше остальных.

Знакомство со сходством и различиями, имеющими место между разными подходами к понятию «толерантность», – важный фактор, облегчающий

правильный выбор, оказывающий влияние на ход процессов мотивации принятия решения и делающий возможным программно-воспитательное воздействие. Именно поэтому мы можем рассматривать толерантность в двух полюсных вариантах – минималистском и максималистском [23].

В *минималистском* варианте: толерантность – установка, характеризующаяся такими чертами:

1) генерализация не принятых элементов, состоящая в распространении их на всю идейную, мировоззренческо-конфессиональную сферу другого человека и даже на его личность;

2) болезненная непереносимость такого положения вещей и даже психологические «страдания» по этому поводу с громадной эмоциональной и негативной вовлеченностью (включая такие проявления, как ненависть, зависть, злость и т.д.);

3) игнорирование положительных элементов в доктрине и личности ближнего;

4) активное стремление к устранению (ликвидации или разрушению) целиком раздражающей ситуации безотносительно личным ценностям, которые представляют наши ближние.

В *максималистском* варианте толерантность также является состоянием неприятия чужих взглядов, однако в то же время ее характеризуют тенденции:

1) к обнаружению общих положительных ценностей, а не поиску и абсолютизации негативных моментов;

2) воздержанию от обобщения отрицательных элементов и их переноса на всю группу;

3) трактовке непохожести с должным уважением, особенно к представляющим эту непохожесть людям;

4) развитию диалога и разных форм общечеловеческого и сотрудничества во имя общих и высших ценностей.

Такое понятие толерантности – проявление как высокой морально-социальной или профессионально-мировоззренческой культуры, так и высокого уровня развития собственной личности и зрелости чувств.

В минималистском варианте толерантности исходным пунктом является принцип отрицания чуждых элементов, а конечным продуктом – борьба и уничтожение, тогда как в максималистском варианте исходным пунктом является принцип признания положительных элементов, а конечным продуктом – взаимное уважение, диалог и сотрудничество. В минималистском варианте толерантность идет чаще всего от незнания и чувственных элементов низшего порядка, таких как зависть, ненависть, вспыльчивость, желание отомстить или фанатизм. Совсем напротив, толерантность в ее максималистском варианте чаще всего соседствует с рационалистскими и когнитивными установками и чувственными элементами высшего порядка, той чувственностью, которую называют также интенциональной или интеллектуализированной, от-

личающейся такими эмоциями, как дружба, сочувствие и любовь, моральные, гуманистические и социальные чувства, чувство долга и чувство человеческого единства, любовь к чистоте в ее высоком смысле, к справедливости и т.д. Поэтому можно сказать, что толерантность в ее максималистском варианте требует большой личной культуры. Она является большой ценностью, фактором, способствующим установлению согласия между народами и прогрессу.

Однако для того, чтобы вообще было можно говорить об этнической толерантности, непохожесть должна быть обнаружена и воспринята негативно. Поэтому в основе всех решений об установках на этническую толерантность находится различие на *своих* и *чужих*, осознание оппозиции «мы–они» и концепция *местных* и *пришлых*.

Проблемы «чужих» и «своих» стали предметом анализа социальных исследователей с конца XIX в. Первую значительную работу на эту тему написал Людвик Гумплович. Он связал межгрупповые отношения с двумя типами установок: солидарности в отношениях со своими и враждебности в отношениях с чужими [24]. Продолжателем затронутой темы был В.Г. Зуммер, выделивший понятия своей группы и чужой группы. А вот автор эссе «Чужак» Г. Зиммель представил тезис, что о чужеродности в социологическом смысле можно говорить только в рамках оппозиции «близкий–далекий».

«Чужак, – пишет Г. Зиммель, – близок нам настолько, насколько мы ощущаем общность наших черт – национальных, социальных, профессиональных или общечеловеческих. А далек он нам настолько, насколько эти общие черты свойственны не только нам с ним, а и многим другим» [25]. Деление социального мира на «своих–чужих», по мнению К. Леви-Стросса, возникает из наиболее элементарных и универсальных человеческих потребностей. Но то, какие принципы выделения одних и других будут господствовать в данном обществе и каковы будут практические последствия этого деления, зависит от очень многих факторов. Прежде всего – от открытости или закрытости данного общества к культурному восприятию. Если вслед за Э. Новицкой мы примем, что открытость данного общества следует понимать прежде всего как «готовность контактировать с представителями чужой группы и принимать то, что по происхождению является не своим», а также как «отношение к чужим с относительно небольшим предубеждением» [26, s. 44], то не вызывает сомнения, что открытое общество характеризуется большой степенью свободы в способах реализации культурных образцов.

А. Клоковская утверждает, что культура может как опрокидывать барьеры, так и воздвигать их, если в естественном мире людей деление на своих и чужих сопровождается убеждением о более высоком положении собственной культуры и презрением к обычаям и ценностям других [27].

В оппозиции «мы–они» отражено деление на две антагонистические группы. Друг для друга они представляют контраст, сводящийся к разным взглядам и разному поведению: симпатии и антипатии, доверия и подозрительности, уверенности в себе и тревоги, готовности к сотрудничеству и враждебности.

Свои (или «мы») – это та группа, к которой мы принадлежим, с которой идентифицируем себя и признаем ее систему ценностей. Мы прекрасно знаем, что происходит в ее границах и понимаем механизмы ее функционирования. Мы чувствуем себя в ней настолько безопасно, что желаем постоянно находиться в ней.

Чужие (или «они») – представляют коллектив, к которому по ряду причин мы не принадлежим или не можем принадлежать. Они представляют для нас одно большое неизвестное, результаты деятельности членов этого коллектива предвидеть невозможно, и поэтому их деятельность вводит нас в состояние неуверенности.

Из антагонизма «мы–они» берет начало взаимное оценивание. Можно ожидать, что на наше поведение они отреагируют точно таким же поведением. В обеих группах поддерживаются идеалы солидарности, доверия и взаимной помощи. Ощущение жизни в сообществе является венцом правил дружбы, защиты и взаимных обязательств. Враждебность и подозрительность по отношению к другим, к чужим приводит к появлению предубеждений и суеверий, которые усиливаются данной группой и проявляются в виде нежелания признать существующие положительные стороны оппонента и склонности раздуть его отрицательные черты и приписывать ему новые. Оппозиция «мы–они» иногда воспринимается в социологии как противостояние групп – своей и чужой. Однако следует обратить внимание на еще один аспект этого факта. Итак, существование обеих этих групп обуславливает чувство идентичности и является неременным элементом в познании мира как одного и общего для всех. Интеграция общности требует наличия противника, благодаря которому можно сплотиться, обозначить границы и сферы влияния, навязать членам своей группы сотрудничество и заставить их быть лояльными.

Концепцию *местных* и *пришлых* представил Норберт Элиас. Он утверждает, что наплыв приезжих – это всегда вызов ранее проживавшему населению. Различие между местными и приезжими приводит к ситуации, в которой мелкие недоразумения вырастают до ранга жизненных препятствий; все, что отличается, заклеимлено, становится объектом неприязни, презрения и нетерпимости. Острота антагонизма между местными и приезжими углубляется фактом существования симметрической установки неприязни [28].

Ряд такого типа акций и реакций Грегори Бэйтсон [29] назвал социогенезом. Он утверждает, что враждебные установки провоцируют и обуславлива-

ют враждебное поведение. Каждое движение требует еще более острого ответа на него. Бэйтсон выделяет три типа социогенеза:

– *симметричная система социогенеза* – каждая из сторон последовательно усиливает свою реакцию на оппонента. Ситуация симметричного углубления раскола усиливает чувство собственной правоты по обеим сторонам оппозиции и последовательно уничтожает любую возможность найти согласие;

– *взаимодополняющий социогенез* состоит в том, что взаимодействие между сторонами основано на господстве и подчинении. Господствующее большинство может согласиться на существование меньшин-

ства при условии, что оно будет демонстративно признавать исповедуемые большинством ценности и заявлять о своей удовлетворенности жизнью в соответствии с принципами большинства. В итоге такое развитие событий может привести к полному разрыву связи между обеими группами;

– *система взаимности* – каждый отдельный акт взаимодействия симметричен, а в длительной перспективе действия обеих групп уравниваются. Обоюдная зависимость гарантирует относительную стабильность, однако всегда существует возможность перехода к симметричной или к взаимодополняющей системе социогенеза [30].

Литература

1. Encyklopedia Powszechna. Warszawa, 1976.
2. Ogonowski Z. Filozofia polityczna w Polsce XVII wieku i tradycje demokracji europejskiej. Warszawa, 1992.
3. Locke J. List o tolerancji. Warszawa, 1963.
4. Kamen H. The Rise of Tolerantion. L., 1967.
5. Mill J.S. O wolnosc. Warszawa, 1853.
6. Marks K., Engels F. O sprawiedliwosci społecznej. Warszawa, 1986.
7. Toffler A. Trzecia fala. Warszawa, 1986.
8. Wladza polityczna: koncepcje i ujecia zjawiska. Katowice U.S., 1997.
9. Hare R.M. Freedom and Reason. Oxford, 1963.
10. Keller J. Tolerancja jako zasada moralna i postawa // Studia Filozoficzne. 1960. № 16.
11. Jaroszewski T.M. Tolerancja a kultura wspolzycia i wspolpracy ludzi o roznych postawach swiatopogladowych // Argumenty. 1981. № 29.
12. Wisniewski W. Wizje szkoly przyszosci. Warszawa, 1985.
13. Lazari-Pawlowska I. Trzy pojecia tolerancji // Studia Filizificzne. 1984. № 8.
14. Klomps H. Tugendem des modernen Menschen. Augsburg, 1969.
15. Kotarbinski T. Studia z zakresu filizofii, etyki i nauk społecznych. Wroclaw, 1970.
16. Muszynski H. Rozwoj moralny. Warszawa, 1983.
17. Salij O.J. Szukajacym drogi. Poznan, 1982.
18. Kozakiewicz M. O tolerancji i swobodzie sumienia. Warszawa, 1963.
19. Ossowska M. Wzor obywatela w ustroju demokratycznym // O czlowieku, moralnosc i nauce. Warszawa, 1983.
20. Sownik Wyrazow Obcych / Pod red. B. Pakosz. Warszawa, 1992.
21. Sownik Psychologiczny / Pod red. W. Szewczuka. Warszawa, 1985.
22. Grzegorzczak A. Filizofia czasu proby. Paryz, 1979.
23. Caldera R. Co to jest chrzescianska demokracja? Warszawa, 1967.
24. Gumplowicz L. Filizofia społeczna. Warszawa, 1905.
25. Simmel G. Obcy // Socjologia. Warszawa, 1975.
26. Nowicka E. Swoi i obcy. Warszawa, 1990.
27. Kloskowska A. Oblicza polskosci. Warszawa, 1990.
28. Elias N. Przemiany obyczajow w cywilizacji Zachodu. Warszawa, 1990.
29. Bateson G. Czlowiek i jego srodowisko. Warszawa, 1967.

В.В. Фалилеев, Н.Н. Волкова, Е.В. Караваева

СЛОВО КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ДУХОВНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В ПЕДАГОГИКЕ

Кемеровская государственная академия культуры и искусств

Духовная сфера человека определяется внутренним вербальным информационным миром, формирующимся в условиях коммуникативной речевой деятельности. Речевая деятельность включает в себя чтение, письмо, слушание, говорение, которые демонстрируют возможности психики в манипулировании информационными процессами, в основе которых лежит слово. Если чтение и слушание основаны

на способности человека воспринимать информацию, то письмо и говорение призваны формировать информационное сообщение и передавать его. Таким образом, речевое общение является основным содержанием информационной культуры. Владение языком, словом – яркий показатель процессов мышления, а следовательно, поведенческой активности и деятельности личности в жизненных различных си-